

(Продолжение. Начало в № 2, 3)

Глава пятая

ЕКАТЕРИНОДАР: ОТСТУПЛЕНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Жизнь была тяжелой. Однажды ко мне пришла перепуганная дама, с которой я познакомился в доме своих друзей. Только что ей сообщили, что она как врач мобилизована и должна ехать в отдаленную станицу в степи для работы в наспех сооруженном госпитале для тифозных. Она не боялась ни работы, ни тяжелых условий, но перспективы самой поездки вызывала у нее панику, так как в сложившихся обстоятельствах она могла не вернуться в собственный дом. «Что ждет моих детей, пока меня не будет?» — спрашивала она. И просила похлопотать в Британской миссии, но так как это было не в моих силах, я был вынужден оставить ее наедине с нагрянувшей бедой.

После нескольких недель пребывания в грязи и нищете в Екатеринодаре я решил вернуться в Новороссийск. Помимо прочего, я хотел поме-

нять рацион питания. Все, что могли предложить екатеринодарские лавки, — о ресторанах ввиду их убожества не могло быть и речи — сводилось к копченой утке и жареной индейке. От этой еды не было никакого спасения. Кубанцы уважают овощи, которые, как мне говорили, годны только на корм свиньям, однако я в жизни не ел ничего вкуснее здешней маринованной капусты. Но если несколько недель питаться только индейкой, уткой и заправленной маслом капустой, то индейки, утки и капуста начинают буквально преследовать тебя. Я засыпал с ними, а едва проснувшись, видел, как они проплывают в дымке у меня под потолком. И возненавидел вид их и вкус лютой ненавистью.

Я договорился о поездке с тремя военнослужащими из Британской миссии, отбывавшими в отпуск по болезни. Приехав на станцию в Екатеринодар в девять вечера, мы стали искать обещанный вагон. Тот оказался «теплушкой», то есть вагоном для перевозки крупного рогатого скота с установленной внутри печкой; места в обычных вагонах было не достать. Заказ на вагон был сделан в три часа пополудни, и его обещали подготовить к восьми вечера, так как поезд отправлялся в полночь.

Из телефонного разговора в девять вечера стало ясно, что российский чиновник, ответственный за подготовку вагона, не удосужился передать в депо соответствующие распоряжения. Однако нас заверили, что все будет готово к полуночи. Российский комендант станции дал по телефону указания установить печку и как следует почистить вагон. В депо клятвенно заверили все исполнить и к одиннадцати сообщили, что, согласно приказу коменданта, все готово и необходимый запас угля доставлен. Но я ничуть не удивился, когда в прибывшем к трем утра вагоне не оказалось ни печки, ни топлива, а убрать навоз после того, как в нем последний раз везли лошадей, никто и не подумал. Тогда мы заказали места в вагоне второго класса, и комендант распорядился согнать с мест нескольких несчастных, чтобы освободить нам место. Но, бросив беглый взгляд на пассажиров, мы единодушно приняли решение ехать в теплушке. Вагон второго класса был набит битком, вонь ужасная, а в стране, где свирепствовал сыпной тиф, было совершенно ясно, что мы заразимся еще до конца поездки. Теплушку подмели, и мы забрались внутрь. Кроме меня и трех английских сержантов, в ней ехали бельгийский джентльмен, имевший деловые интересы в Екатеринодале, в сопровождении супруги, два русских водителя авто, переводчик, прикрепленный к Британской миссии, и еще пара человек. В последний момент вбежал русский генерал и осведомился, не станем ли мы возражать, если он подсядет к нам с женой и ребенком; мы пригласили его присоединиться к нашей кампании, и он тут же заявился с женой, тремя детьми, двумя пожилыми служанками, собакой и огромными тюками с постельным бельем и матрасами. Так что пришлось потесниться.

До отхода поезда состоялся разговор с добродушным вокзальным носильщиком, моим знакомцем. Я увидел его стоящим в толпе товарищей. Один из них уверял: «Говорю вам, было чудо, и явились волхвы. Три дня назад в полдень на небе

были видны три звезды. Нет, сам я не видел, не смотрел, но спросите жену Ивана Митрофановича — она видела их! Говорю вам, явились волхвы, только мы их видеть не можем».

Мой знакомец усомнился в сказанном, и половина носильщиков приняла его сторону. Но поезд уже отходил, и мне так и не удалось узнать, кто же кого убедил.

На следующий день после промозглого путешествия мы прибыли в Новороссийск. Дела там были столь же плохи, как и по всей стране. Все банки, за исключением одного, были закрыты — верная примета паники, а тот, единственный, занимался, как мне показалось, лишь продажей и покупкой иностранной валюты. Дело в том, что каждый, кто мог, пытался уехать из России, а так как пароходные компании отказывались принимать рубли, то возник огромный спрос на английские, французские, итальянские и иные деньги. За один английский фунт можно было разом выручить шесть тысяч рублей, тогда как за подписанный чек никогда не давали больше трех тысяч. За оградой итальянского пароходного агентства, предлагавшего рейсы на Константинополь и Таранто, бушевала толпа надеющихся уехать. Но что же должны были чувствовать те русские, которые знали, что обречены при приходе большевиков, и не питали ни малейшей надежды на будущее. Они видели прибывающие в порт иностранные корабли, но по той или иной причине — чувства долга или отсутствия денег — не имели шанса подняться на борт. Я видел их, стоящих на причале, и это было печальное зрелище. Другие, более удачливые, высыпали на палубу отходившего судна, бросая прощальный взгляд на Россию, страну страданий.

Когда я приехал, в Новороссийске паника была еще не запредельной. Будучи здесь, я решил взять интервью у наконец-то приехавшего Верховного комиссара мистера Маккиндера [1]. Он остановился в Белом доме, большом здании рядом с Британской миссией. Как-то в полдень я зашел туда

с просьбой об интервью. Вышедший навстречу щеголеватый секретарь, по крайней мере таковым он показался мне после серых российских улиц, в резких тонах объяснил, что мистера Маккиндера нельзя видеть столь рано. Поклонившись, я ретировался, чувствуя себя совершенным пигмеем. После обеда ближе к вечеру я зашел снова. Увидев меня, секретарь всплеснул руками и спросил, что неужели я думаю, что мистер Маккиндер захочет видеть меня в такой час. В ответ я предположил, что в расписании мистера Маккиндера могло бы найтись пару часов, чтобы встретиться со мной, и секретарь удалился для наведения справок. Вскоре он вернулся с известием, что мистер Маккиндер примет меня. На самого секретаря эта новость произвела ошеломляющее впечатление — все шло не по правилам и казалось ему просто ужасающим.

Мистер Маккиндер встретил меня очень любезно. Он только что вернулся из Екатеринодара, где вместе с представителями Британской миссии встречался с генералом Деникиным и другими лидерами антибольшевистских сил. Он сообщил, что генерал Врангель подтвердил ложность ходивших в то время слухов о смещении генерала Деникина с поста Главнокомандующего Вооруженных сил Юга России. Напротив, генерал Врангель заявил, что обещает оказать генералу Деникину всевозможную поддержку, что расхождения между ними касаются только вопросов тактики, а сам он абсолютно лоялен. Я поинтересовался, почему мистер Маккиндер не придерживается такой же линии, но по ряду соображений он не считал этот вопрос заслуживающим внимания и еще какое-то время оставался при своем мнении. Он надеется, что твердое заявление генерала Врангеля развеет надежды определенной части молодых русских офицеров сделать генерала Врангеля вождем новой прогерманской политики. Генерал Врангель заверил его словом чести, что не является сторонником Германии.

Я спросил мистера Маккиндера о положении

дел на фронте. Он старался выглядеть оптимистичным. Отметил недавние успехи донской армии против передовых отрядов большевиков и заявил, что скоро изменится погода, Дон разольется, степи превратятся в сплошную грязь, и это даст преимущество добровольцам, которые получают передышку для перегруппировки сил, восстановления боевого духа и подготовки новобранцев. «Новороссийск сейчас — один из самых безопасных городов во всей России», — сказал он. После этих вдохновенных, но не слишком пророческих слов мистер Маккиндер сообщил, что на днях отправляется домой для доклада и добавил, что «надеется» скоро вернуться в Россию.

Хотелось бы встретиться с этим политиком снова.

Несколько дней спустя я уехал в Константинополь, где хотел закончить кое-какие дела, так как условия на юге России были неблагоприятными. В Константинополе я пробыл две или три недели, после чего вернулся в Новороссийск.

На борту корабля я встретил русского офицера, давшего, по моему мнению, ответ Добровольческой армии зарубежным клеветникам. «Хотел бы спросить тех, — сказал он, — кто осуждает Добровольческую армию за нынешние поражения и считает случившееся расплатой за безрассудную авантюру. А что надо было делать верноподданым россиянам в 1918 году, когда большевистское правительство, бросив на произвол союзников, заключило унижительный мир с Германией? Естественно, не вы обвиняете нас в продолжении борьбы на вашей стороне. Любопытный англичанин, столкнувшись с подобными обстоятельствами, кроме тех, кто вступил в сговор с большевиками, сделал бы то, что сделали корниловские добровольцы — встал под знамена своей страны против ее врагов внутри и извне. Конечно, после поражения Германии на Западном фронте — события которого, и об этом надо помнить, большевики никак не ждали и вовсе не желали, полагая, что война закончится «вни-

чью» до полного истощения обеих сторон и грядущим триумфом большевизма – изгнание вражеских войск с территории России стало новой задачей русских патриотов. У нас было два пути. Или мы должны были продолжить борьбу, начатую Алексеевым [2] и Корниловым, открыто выступив против Советской власти, и восстановить Россию, или притвориться, что примирились с большевиками, внедриться в большевистскую систему с целью поглотить ее и в конечном счете смести большевистских вождей, преобразовав их режим в настоящее Российское государство. Одни из нас делали первое, другие – второе. В значительной мере это определялось тем, где кто из нас оказался. Представители всех партий на юге – консерваторы, либералы, радикалы и социалисты – сплотились вокруг Деникина. Оставшиеся в Советской России вступили в советские органы, одни добровольно, большинство – гонимые голодом или по принуждению. Вряд ли есть сомнения, какой из этих двух путей был благоднее.

Вступившие в ряды добровольцев видели перед собой ясную цель, остальные оказались и до сих пор остаются заложниками лицемерной политики, чисто по-русски уповая на авось и на то, что большевики в конце концов будут свергнуты своей же системой. Надеюсь, что и их чаяния сбудутся. Похоже, что сейчас они правы, что их политика успешно работает, а наши методы борьбы не состоятельны. Но я настаиваю на том, что, когда создавалась Добровольческая армия, у нас не было выбора. Мы, добровольцы, считали себя наследниками русской нации, которая три года сражалась бок о бок с союзниками и понесла в этой войне гораздо большие потери. Лицемерно осуждать нас за недавние поражения. А чтобы сказали те, кто сейчас клеймит нас как авантюристов и реакционеров, если бы мы громили большевиков, как это было три-четыре месяца назад». ■

КОММЕНТАРИИ:

[1] Маккиндер Хэлфорд Джон (Halford John Mackinder, 1861–1947) – британский географ и геополитик, считающийся одним из основателей теории «Атлантизма». В 1919 году был назначен Верховным комиссаром на юге России, чтобы сообщать правительству Соединенного Королевства о состоянии антибольшевистских сил, возглавляемых генералом Деникиным. Участвовал в подготовке Версальского договора, добиваясь того, чтобы в нем было закреплено появление государств-лимитрофов. В 1919 году издал книгу «Демократические идеалы и действительность. Исследование в сфере политики реконструкции», где высказал основные положения своей доктрины.

[2] Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) – генерал-адъютант, участник русско-турецкой, русско-японской и Первой мировой войн, один из создателей Добровольческой армии. Скончался 8 октября 1918 года в Екатеринодаре от воспаления легких. Был похоронен в усыпальнице Екатерининского собора. Перезахоронен по просьбе вдовы в Белграде.

**Перевод с английского и комментарии
Юрия Лучинского**